

**ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В АЛТАЙСКОЙ ПРОЗЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Д. КАИНЧИНА И А. АДАРОВА)**

© Ульяна Текенова

**COLOUR SYMBOLS IN THE ALTAI PROSE
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
(BASED ON THE NOVELS BY D. KAINCHIN AND A. ADAROV)**

Ulyana Tekenova

The article studies the colour symbolism of the Altaians, based on the literary texts of the Altai prose writers Dibash Kainchin and Arzhan Adarov. The hypothesis for the study of colour symbolism as a cultural code of the Altai ethnos is that white, blue and azure colours prevail in the studied novels (the images and expressions using the epithets “ak” (“white”) and “kök” (“blue”), “chanıkyr” (“azure”), “kök-ıanıkyr” (“blue-azure”). They are images-symbols, signs-codes in the traditional culture of the Altaians and have a sacral meaning, expressing the quintessence of not only the Altai, but also of the entire Turkic worldview. The philosophical interpretation of *white* in Kainchin’s novel-dilogy makes it possible to understand that the Altaians raised this colour to the level of a symbol, while, among the Altai and all Turkic peoples, the blue colour “kok” (“ıanıkyr” – “azure”) blue-azure or sky-blue (“kok - ıanıkyr”, “kögöl”) is one of the most revered colours, symbolizing eternity and constancy; it denotes the supreme deity “Tengri”. The article highlights the human world and nature, in which the studied signs-codes acquire a metaphorical meaning, they are present in the life of fictional characters, in descriptions of nature and as an independent system of artistic means.

Keywords: Altai literature, Kainchin, Adarov, prose, image-symbol, colour symbolism, mythologeme, concept

В данной статье рассматривается цветовая символика алтайцев на материале художественных текстов алтайских прозаиков Дибаша Каинчина и Аржана Адарова. Гипотеза исследования цветовой символики как культурного кода алтайского этноса состоит в том, что в исследованных романах преобладают белый, синий, голубой цвета (образы и выражения с использованием эпитетов *ак* ‘белый’ и *көк* ‘синий’, *ıанıкыр* ‘голубой’, *көк-ıанıкыр* ‘сине-голубой’). Они являются образами-символами, знаками-кодами в традиционной культуре алтайцев и имеют сакральное значение, выражая квинтэссенцию не только алтайского, но и всего тюркского мировидения. Философское прочтение белого цвета в романе-дилогии Каинчина позволяет понять, что этот цвет у алтайцев поднят до уровня символа, а синий цвет *көк* (*ıанıкыр* ‘голубой’), сине-голубой или небесно-синий (*көк-ıанıкыр*, *көгөл*) у алтайцев и всех тюркских народов является одним из самых почитаемых и символизирует вечность и постоянство, обозначает верховное божество Тенгри. В статье обращается внимание на внутренне-композиционный принцип исследуемых произведений, заключающийся в сочетании одновременно двух пластов повествования: человеческого мира и природы. В них исследованные знаки-коды приобретают метафорическое значение и присутствуют в жизни героев произведений, в картинах природы, а также как самостоятельная система художественных средств.

Ключевые слова: алтайская литература, Каинчин, Адаров, проза, образ-символ, цветовая символика, мифологема, концепт

Цветовая символика белого и сине-го/голубого (сине-голубого) цветов для алтайского народа является наиболее предпочитаемой и не только носит сакральное значение в мифологии, фольклоре и литературе, но и отражается

в государственной символике Республики Алтай как «этнические и этнопсихологические кодовые знаки, определяющие самобытность мироощущения тюрков и их культурного наследия» [1, с. 117].

В произведениях алтайских писателей наиболее часто встречающиеся образы и выражения с использованием эпитетов *ак* 'белый' и *көк* 'синий', *чанкыр* 'голубой', *көк-чанкыр* 'сине-голубой' тоже символизируют чистоту, святость и цвет голубого неба как основополагающие мировоззренческих постулатов, «являющих собой квинтэссенцию алтайского (шире: тюркского) мировидения: небо (*тенгери*) и его аналоги „белая высь“ („*ак айас*“) и „голубая высь“ („*көк айас*“), земля-вода („*жер-суу*“), гора-прародительница, огонь, многозначный топоним „Алтай“, в мировоззрении алтайцев являющийся не только географическим объектом, но главным образом, обозначением большой и малой родины, страны, стороны света» [2, с. 5].

О доминирующей роли каждой из обозначенной цветовой палитры в национальной картине мира алтайцев можно рассуждать отдельно. Это же отмечает и исследователь алтайской мифологии А. Сагалаев в книге «Алтай в зеркале мифов»: в частности, исследователь замечает в тюркской культуре разработанность символики цвета, справедливо отмечая белый цвет (молочные продукты лошади белой масти, ленты белого цвета, *яик*) как передающую «идею чистоты, сакральности, достатка, изобилия, плодородия, то есть всех качеств небесной сферы пространства и мифического прошедшего времени» [3, с. 158].

В алтайской мифологии о первотворении земли из водного пространства она тоже связана с образом *Ак-Эне* – Священной матери (дословно 'Белая Мать'). И в наше время *ак өн* 'белый цвет' остается сакральным, священным как символ чистоты и справедливости, добра и благополучия и имеет глубокие корни.

В фольклоре алтайцев «Очы-Бала (опубл. А. Калкиным) *сүт көл* 'молочное озеро' является «небесным источником жизни», «символом чистоты и святости», а высокогорные озера ассоциируются с образом «чаши с молоком»: «из молочного озера жизнь как бы перетекает на землю, и источник этот неиссякаем. И земной репликой озера жизни становится чаша, из которой кропят молоком во время жертвоприношения» [Там же, с. 86]. И в настоящее время (от природы) имеющие белый цвет предметы и животные белой масти ценятся особо, к примеру *сүт* 'молоко', цвет материнского молока (все молочные продукты, лошади белой масти). Философское прочтение белого цвета позволяет понять, что этот цвет у алтайцев поднят до уровня символа, олицетворяя собой чистоту души человека.

В данной статье основной целью является исследование символики белого и голубого/синего цветов в романах «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над

нами Белуха», 1986 – первая часть и 1997–2003 – вторая часть) Д. Каинчина и «Өлүмнин чанкыр кужы» («Синяя птица смерти», 1993) А. Адарова, которые подчеркивают, что в художественной литературе и устной поэзии алтайцев белый, бело-синий, синий/голубой и сине-голубой цвета являются основными.

Привлекают внимание и иллюстрации на обложках книг Д. Каинчина и А. Адарова (выполнил художник В. С. Торбоков), которые перекликаются: и здесь, и там – изображения священной горы *Ўч-Сүмер* (Белуха). Причем на иллюстрации книги Д. Каинчина преобладают белый, голубовато-сиреневый и золотисто-желтый цвета (наступление рассвета), а у подножья горы – озеро молочного оттенка и поклоняющиеся горе люди. На обложке книги А. Адарова преобладают сине-голубой, белый и другие оттенки синего и голубого цветов, а само изображение горы напоминает взмах взлетающей птицы.

Обратим также внимание на название обеих частей романа Д. Каинчина. Они связаны с топонимом *Ўч-Сүмер* (Белуха, *Ак-Сүмер* 'Белая вершина'), священной горы алтайцев и всех тюрков. Гора *Ўч-Сүмер* – это Мировая гора, духовно-сакральный символ в культуре народов Алтая и тюркских этносов мира, символ чистоты духа, Центр мироздания, самая значимая категория в ментальности алтайцев. Наиболее распространенное название горы Кадын-Бажы – Вершина Катунь (или дословно – 'Голова Катунь'). Существуют еще и другие варианты, например Мусту-Туу 'Ледяная гора', Кадыннын Сайлань (Катунья Сайлан, или Катунские Столбы). С алтайского языка *Ўч-Сүмер* переводится как «Три вершины». *Ўч-Сүмер* покрыта вечными белоснежными ледниками, поэтому русское название тоже говорит о белизне горы (обилие снега и ледников) – Белуха.

Роман-диалогия Д. Каинчина имеет два названия: «Ўч-Сүмер алдында» («Под Белухой», первая часть) и «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха» – объединенные части). Как известно, «обращение писателей к национальным традициям и мифологическим образам-символам в современном литературном процессе является актуальной задачей. Этим объясняется их стремление мыслить из глубины историко-культурной памяти, актуализируя мифопоэтические структуры и выяснение истоков национальной самобытности, чтобы сберечь прогрессивные традиции прошлого. Этот интерес никогда не прерывался, но всякий раз корректировался исходя из потребностей того или иного исторического периода» [4, с. 27].

Во второй части романа под влиянием постсоветских перемен и роста духовной жизни своего народа Д. Каинчин вводит в название изменение. Как известно, в своих *алкышах* «благопожеланиях» алтайцы всегда поклоняются Небу, обращаются к Алтаю с почитанием о его вечном процветании и благополучии. Над второй частью романа писатель работал на рубеже веков, в эпоху исторических перемен в жизни страны, в период активного возрождения обычаев и традиций алтайцев, что послужило толчком тому, что писатель в 2003 г. издает обе части романа под общим названием – «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха»). Народ находится под защитой неба и природы, родного очага и земли, священной горы, ставшей броней, и среди них алтаец не чувствует себя в стеснении.

В романе Д. Каинчина наблюдается символически-параллельная тайнопись в использовании белого цвета, которая передается через великолепные картины природы (образ Белухи), исторические события (бурханизм, Ак каан), художественные детали (*жайык, кыйра, жалама, көжсөгө*), а также эпизоды из жизни героев (Беловодье и т. д.).

Заметим, концепт «гора» является одним из самых устойчивых топосов литературы. Описание священного для алтайцев и всех тюрков образа-символа горы Уч-Сумер Д. Каинчин передает через восприятие героев и национальную ментальность своего народа:

«Мындый айас күнде Ўч-Сүмер бу ла жуугында ошкош. Колынды өзөк кечире сунала, тудуп көрүп те ийгедийин. Бу ненин учун десе, Ўч-Сүмер ичине жуук» [5, с. 14]. – «В такой ясный день Уч-Сумер кажется вот тут совсем рядом. Как будто, протянув рукой через долину, можно его коснуться. Это потому, что Уч-Сумер близок душе твоей» (здесь и далее перевод наш. – У. Т.).

Но в описании горы Уч-Сумер в утренние часы и во время заката присутствуют еще и красно-желтый, золотисто-желтый цвета (как языки пламени):

«Өзөк кечире Ўч-Сүмерге күннин чокторы жан тийди. Тош мөңкүлөр кызыра жалбырап, жалтылдап чыкты. Ўч-Сүмер үч-айры башту от-жалыр Энедий көрүнди...» [Там же, с. 54]. – «Через долину лучи солнца только что Уч-Сумера коснулись. Вечные ледники засверкали красным пламенем. Уч-Сумер выглядела как трехглавая Мать-Огонь...».

«Айдын жаркынына Ўч-Сүмер жалтырайт. Көлөткөлү кара туулардын үстинде ол там жаркындалат, оlorдын алтын-күмүш бөрүгиндий көрүнөт» [Там же, с. 15]. – «От лунного света Уч-Сумер блестит. Над тенистыми черным горами свер-

кает еще ярче, смотрится как их золотисто-серебряная шапка».

Д. Каинчин, эмоционально углубляя образ молодого человека по имени Кыймаштай, находит природное соответствие с особым состоянием его души через изображение священной горы Ўч-Сүмер (Белуха):

«Көстөрин каа-жаада ачыл ийзе, кырып алгадый кок жок жалтырууш тенери. Ыраакта өзөк кечире суркурайт. Ол бүгүн омок ло сүүнчилү мызылдайт. Тошторы алтындала чоктып жаткандый көрүнөт. Канча ла кире көрзөн, көрүжин жетпес. Жаражына жүрегин көдүрилип, шымыранып жадарын: Ўч-Сүмер... Ўч-Сүмер... Ўч-Сүмер... Көстөримде Ўч-Сүмер... Чечек чилеп жайылган» [Там же, с. 3]. – «Когда временами (он) открывал глаза – сверкающее небо (нельзя даже пылинки соскоблить – чистое). Вдалеке через долину светится Уч-Сумер. Сегодня он сверкает бодро и весело. Сколько ни смотри, не насмотришься. От ее красоты сердце бьется сильней, и шепчешь: Уч-Сумер... Уч-Сумер... Уч-Сумер... В глазах моих Уч-Сумер... Расцвел как цветок...».

«Ўч-Сүмер алтын чечектий көрүнди...» [Там же, с. 109]. – «У Уч-Сумер выглядела как золотой цветок».

Перед глазами юноши в проеме треугольного входа шалаша виднеются знакомые близкие сердцу контуры возвышающихся гор:

«Туулар үргүлжиге турар, оlorго көрө, сен та чымыл, та конгыс. Же мындый санаа кижиге келбес, ненин учун десе агаж жыгылар – арка турар, кижиге жоголор – кижилик артар» [Там же, с. 31]. – «Горы будут стоять вечно, по сравнению с ними ты то ли муха, то ли жук. Но такая мысль к человеку не приходит, потому что дерево упадет – лес будет стоять, человек исчезнет – человечество останется».

Реальные события, происходившие в начале XX века в деревушке Ак-Кем, в устье одноименной реки Ак-Кем и красавицы реки Кадын (Катунь) Ак-Кемской долины, нашли отклик в исследуемом романе. «Ак-Кем – буквально белая, мутно-белая, пенистая река», „хем“ (тув.) река» [6, с. 128]. Уточним географическое положение горы Ўч-Сүмер. Она находится в Ак-Кемской долине: и озеро у подножья священной горы, и река, которая берет начало от нее, носят название Ак-Кем.

В центре села Ак-Кем возвышалась церковь, полностью сгоревшая при пожаре, причиной которого стали поступки местного священника при крещении алтайцев: сжигание атрибутов шамана, *жайыков* (яик), принимавших крещение местных жителей. Все это сопровождалось стрельбой из ружей, заряженных холостыми патронами и раз-

ными другими шумами (удары бичей, кнутов и т. д.). Так «толпа крещенных» (во главе с попом) изгоняла из селения «нечисть» и как будто загнала «его» («нечисть») в труднодоступные скалистые места. Ответная реакция части местных жителей (возможно, и самого шамана) выразилась поджогом церкви. Именно этот случай лег в романе в основу конфликта («свой и чужой мир») между шаманом Карбыш и отцом Миколой как две борющиеся за человеческие души конфессии (православие и шаманизм). В данном контексте новым для алтайской прозы является введение в художественный текст мифологемы Беловодье как земногорая:

«– Бистин ада-öböкө Беловодье деп кисель жараттарлу, ак-сүт суулу алтай бедреген – деп, абыс Микола ус сабары чычандайт. – Бу бистин журтаган жер ол Беловодьеге турбас деп пе? Турар, турар! Бис бу бого бойыстын Телекейисти, бойыстын Каандыгысты, бойыстын Кудайлыгысты тözöp алалы, балдарым! Мында жебрен Орустын ару күүн-санаазы жаныдан туулзын! Мынаг Россияга жешип, оны аругазын!» [5, с. 168]. – «– Наши предки искали страну с кисельными берегами, бело-молочной водой – тряс указательным пальцем отец Микола. Это место, где мы проживаем, разве не стоит того Беловодья? Стоит, стоит! Вот здесь мы создадим свой Мир, свое Царство, свою Религию, дети мои! Пусть здесь вновь возродятся чистые помыслы Древней Руси! Отсюда доходит до России и очищает ее!».

Топоним «Беловодье» созвучен названию мест, где происходят основные события романа – долины и одноименной речки Ак-Кем – Белая Вода, Беловодье. Эта горная речка имеет белую окраску, потому что берет начало с ледников Белухи, и в ней много примеси белой глины. Также эпитет «белый» обозначает чистоту и свободу. В алтайском языке слово *ак* также обозначает 1. чистое и открытое место – поле, поляна; 2. течь (гл.).

В художественном пространстве романа действие первой части проходит в селении Койонду у подножья горы Ыч-Сүмер, где проживают алтайцы и русские, где давно сложилось свое устоявшееся течение жизни, в которое начинает втекать мутный поток катастрофического времени (первая германская война, свержение царя, революция, алтайская Горная Дума и т. д.). Автор не называет топоним *Ак-Кем* (Белая река / вода), он здесь присутствует как название долины *Койонду*, деревни *Койонду* и речки *Койондцу* (*койон* – ‘заяц’, отмечается всегда наличие этого зверька):

«Койон керегинде айтпаза торг. Олор чымалдыый көп учун, бу öзöкти Койонду деп адагылап койгон» [Там же, с. 32]. – «Про зайцев лучше не говорить. Из-

за того, что их как муравьев много, эту долину и назвали Койонду».

«Öзöкти төмөн канча салаа-чачактарга айрыланып Койондунун суузы түшкен». – «Вниз по долине как кисти, разветвляясь, спустилась речка Койонду» [Там же].

Если в названии долины, деревни и речки слово *койон* звучит открыто, то в эпизоде с пожаром айла сказителя Эжи его супруга Көкчи, рискуя жизнью, спасает свой *жайык* (яик), *кудай-наадайлар* (богов-кукол) слово *койон* зашифровано в слове *жайык*.

Жайык (Яик) считается частью самого верховного божества Ылген (Ульгень), «как бы „отколовшейся“ от тела небесного бога. Яик как посредник между Ульгеном и человеком» [3, с. 48] почитается алтайцами и в настоящее время. Как отмечает А. Сагалаев, этот «персонаж довольно загадочный» и «обычный „облик“ небесных духов»: «из белой материи вырезали фигурку с головой, ушами, руками, ногами и хвостом. Ноги обшивали красной лентой („с каймой из красной тучи“). Это символическое изображение зайца. На правом берегу Катуня к шнуру просто подвешивали зимнюю шкуру зайца-самца» [Там же, с. 48–49]. Почитание зайца у алтайцев связано с солярным культом, как и всех животных белой масти. Что же касается конкретно образа зайца, то в отношении него существует табу (на него нельзя охотиться), так как это животное небесного происхождения. Интересен алтайский миф о небесных девах, дочерях Ыч-Курбустана, которые спускались на землю искупаться в горном озере. По одной версии, они спускались с неба в облике белых лебедей и, сбросив одеяния, купались. Охотник, наблюдавший за происходящим, не выдержал и притронулся к одежде младшей из них и тем самым осквернил ее. Небесная дева оборачивается в зайца и становится *жайык* (яик).

Когда построили новую юрту, то Көкчи в первую очередь ставит на почетное место *жайык*, «богов-кукол», две ветки священного можжевельника (яик прикреплялся к белой скрученной волосяной веревке, привязанной с двух сторон к веткам березы), затем, поглаживая свои косы, шепотом говорит благопожелания, обращаясь к *жайыку*, прося у нее защиты:

«... Куу канатту ак жайык,	«С лебедиными крыльями белый яик,
Кой күндүлү кыс жайык,	С угощением из овцы де- вушка яик,
Колло тутпас ару жайык.	Чистый яик, нельзя тро- гать руками.
Ыч-Курбустан балазы,	Дитя Юч-Курбустана,
Ыч кызынын кичүзи,	Младшая из трех его до- черей,

Койон чуузын чуулаткан, Пеленавшую в заячы пеленки,
Кир јууктырбас ак јайык» Не подпускающая грязь
[5, с. 106–107]. белый яик».

В этом мифологизированном тексте благопожелания јайык предстает в образе небесной девы «Ўч-Курбустан балазы» («дитя Юч-Курбустана»), младшей из трех дочерей, которую пеленали в заячы пеленки и оберегали от земной «грязи». Здесь белый цвет обожествляется и обладает чудодейственной силой как знак святости и чудесного (связан с чистотой *ару јайык* ‘чистый яик’, белизной *ак јайык* ‘белый яик’, *куу канатту* ‘лебедиными крыльями’). Использование белого цвета напрямую связано с религиозными верованиями алтайцев (тюрков).

Еще одна деталь, которая упоминается в романе всего один раз, это *көжөгө* – свадебный ритуальный занавес, имеющий белый цвет и относящийся к табуированным предметам. Во время обряда его нельзя было трогать руками, открывали дядя или отец жениха рукояткой плетки, прикладом ружья или ветками можжевельника. До настоящего времени такой ритуальный занавес не утратил своего прямого назначения. «Он должен быть белым – этот цвет символизировал чистоту заключаемого брака <...> края занавеса оформляли оберегами – шелковыми кисточками, парчовыми лентами, концы которых прострачивали, символизируя этим открытый доступ счастья для новобрачных. При помощи этих лент свадебный занавес прикреплялся к двум срезанным березкам. <...> Березки для совершения свадьбы приносил дядя-таай или его племянник. Их срезали в утреннее время с восточного склона горы с благословением и кроплением молока в сторону восхода солнца» [7, с. 52] и привязыванием *јалама*. В алтайской обрядовой песне, посвященной *көжөгө*, поется:

«Аркадан эжелген ак кайын,
Јайканарда, јаражын.
Ак көжөгө көктөйлө,
Той эдерде сүрлүзин» [8, с. 29]. –
«Белая береза, принесенная из леса,
Как красива, когда качается.
Сшив белый занавес
Свадьбу проводят как прекрасно».

Например, интересен в романе эпизод, когда русская женщина, вдова солдата первой германской войны, выходит замуж за алтайца:

«Келинди көжөгөнин ары јаны јаар сугуп ийгилерде, эки балазы ыйлажа берди» [5, с. 201]. – «Как только невесту спрятали за занавес, двое детей (ее. – У. Т.) испуганно заплакали».

Она принимает все обычаи, традиции и религию мужа.

В романе встречаются герои, которые, приняв крещение, все же не могут изменить свое мировоззрение, продолжают соблюдать свои традиционные религиозные ритуалы. К примеру, эпизод повязывания *кыйра*, *јалама* (белые ритуальные ленты). Асканак (церковное имя Александр) поднявшись на перевал, повязывает *јалама* и обращается с благопожеланием Алтаю:

«Ажунун үсти јанында арчыннын төстөрине түжүп, кыйра буулады. Кыйра эдетен ак бөсти ол өнөтгийн алып жүрген.

– Алтайым, кудайым, ...албатым, ада-өбөкөм, айы-күним, тенерим... Јүрүм беригер, јол беригер. Јаман, јолымнан јайла, јакшы – јуукта, јанымнан айрылба...» [Там же, с. 83]. – «В верхней стороне перевала около можжевельных кустов слез (с коня), привязал кыйра (ленты). Белую ткань для кыйра он специально брал с собой.

– Мой Алтай, мой бог, ...мой народ, мои предки, мои луна-солнце, небо мое... Жизнь дайте, дорогу дайте. Плохое – уйди с пути, хорошее – приближайся, не отходи от меня...».

Обратим внимание: Асканак специально («өнөтгийн») берет с собой белые ленты-кыйра.

Д. Каинчин мастерски вплетает в сюжетную канву романа ставшее феноменом религиозное движение 1904 года – *ак јан* (Белую веру / бурханизм). «Сами алтайцы называли новую веру „белая вера“ (*ак јанг*) или „молочная вера“ (молоко – символ чистоты)» [3, с. 153]. Бурханистское движение на Алтае было «одержимо белым цветом», отмечает А. Сагалаев. Как справедливо писал Л. Потапов: «Из «внешних исследователей и толкователей алтайской религии к пониманию сути бурханизма как закономерного духовного процесса ближе всех подошли, на мой взгляд, вплотную, А. Сагалаев и Л. Шерстова» [9, с. 28].

Считалось, что Мессия (мифический Ойротхан) в образе Белого всадника показался в долине Теренг Усть-Канского района алтайцу по имени Чет Челпанов, а первой проповедницей от имени Белого Бурхана становится его дочь Чугул. Это бурханистское движение закончилось разгоном, арестами лидеров, судом и их освобождением. В романе это движение передано через воспоминания Самтар бая (Тотороков Тудаачы). Находясь в гостях у известного бая Аргымая Кульдина, он вспоминает (тогда Самтар бай уклонился от молений):

«Ол јайгыда ак јан башталып јат, Быркан-Ойрот кудай келип јат дежип, өрө-төмөн чабыш тын ла болгон» [5, с. 140]. – «В то лето и много скакали (на ко-

нях) туда-сюда, говорили, что начинается белая вера, едет Быркан-Ойрот бог».

В беседе Аргымай утверждает, что все начатое не напрасно:

«– Карын тынып калган эмес пе? Алтай үсти бастыра жалама. Алтай-кудайыс, Ак-Бырканыс деп мўргўп ле јўрўбис» [Там же, с. 143]. – «А не стали ли (мы) наоборот сильнее? Весь Алтай покрыт белыми лентами ялама. Молимся, произнося Алтай-бог, Белый-Быркан».

Данный пример показывает, как одержимость белой верой, белым цветом заставляет некоторых героев совершать непредсказуемые поступки. В романе белый цвет используется также одним из главных героев романа – крещеным купцом Табытка Тобоковым, причем в корыстных целях, причем этот рассказ о Белом всаднике стал легендой. События 1904 года в долине Теренг тогда еще были свежи в памяти алтайцев. Табытка в качестве благодарности за то, что его крестили священники, строит на свои деньги церковь в местечке Кара-Суу. Чтобы местное население приняло православие и посещало эту церковь, он нанимает своих знакомых, привлекая их к участию в большом обмане, где инсценируется появление Белого Бурхана:

«– Адабыс болгон алты эжиктў Адыган туунын бажында кўн чыгарда, ак атту, ак кийимдў кижикўрўнди. Эки колын ўрў сунуп, биске та нени де айдарга тургандый билдирди. Сактап турган Бырканыс жеде келген ок болор бо?» [Там же, с. 212]. – «Когда солнце поднялось на вершину шестидверной горы Адыган, показался на белом коне в белых одеяниях человек. Показалось, как будто протягивая обе руки вперед, он нам хочет сказать что-то. Быть может, это Бурхан, которого мы ждали, пришел».

Услышав такую «новость», Табытка падает на колени, молится солнцу и благодарит бога, говорит, что бог один, а дом бога – это церковь. Затем всех зовет идти туда быстрее молиться, иначе долгожданный Белый Бурхан улетит обратно в небо. В церкви, около сверкающего алтаря, стоял уже другой человек в белом. Мгновенное перемещение человека в белом одеянии с горы в церковь было удивительным. Такие чудеса может творить только сам Бог. Все стали молиться «Быркану» в белом, а в это время священник опрыскивал святой водой всех присутствующих и совершал обряд крещения. Когда люди подняли глаза кверху, белого «Быркана» не было, а вместо него увидели распятого Христа. Табытка все продумал и хорошо заплатил нанятым людям: на горе Адыган на белом коне в бе-

лом одеянии был Пахомов Варфоломей, а в церкви ждал в белой одежде Чернышев.

В романе автор обращается и к мифологеме *Сўт кўл* («Молочное озеро»). Она появляется в тот момент, когда Табытка сильно болен, находится в горячке и осознает свои ошибки. Теперь он хочет искупить свою вину перед Алтай-Кудаем, сжигает свой нательный крест, начинает шаманить, прося прощения и благословения у священной горы своего рода:

«...Кўн эбирбес кўлер туум! Ай эбирбес алтын туум! Ыйыкчылду Жаан-Туум. Алты эжиктў Адыган! Сўт кўлгў эдегин јунган, сўмер тайганан јаргы алган, сўт булутка бажын аластаткан...» [Там же, с. 227–228]. – «Бронзовая моя гора, которую солнце не обходит! Золотая моя гора, которую луна не обходит. Шестидверная Адыган! В молочном озере подол омывающая, у островерхой тайги суд берущая, в молочном облаке вершину свою окуривающая».

Он обращается к огню словами «с *Синеющей Сини спустившийся хан*».

В ирреальном мире, в бреду перед Табытка (в подземном царстве) появляется гротескный образ огромного, как *торбок* 'годовалый бычок', белого зайца, на которого садят его по приказу подземного владыки Эрлика и отправляют в верхний мир обратно в *Ак јарык* 'Белый свет'. Так как Табытка многократно нарушал закон предков – принял православие, но затем в приступе болезни сжигает свой нательный крест и начинает камлать (шаманить), Владыка подземного мира прокликает его словами:

«Ўс кудайы – мений дебес. Ўскў кудайы – мений дебес» [Там же, с. 232]. – «Основной (свой) бог – скажет не мой. Чужой бог – скажет не мой».

Рассмотрим синий (сине-голубой, голубой) цвет, где синий в настоящее время является цветом мира, символом верности, преданности и мудрости. И. В. Гете в первой части «Учения о цвете» писал: «...Как высокое небо и далекие горы мы видим синими, так и синяя поверхность кажется как бы уходящей от нас. ...» [10, с. 355].

Синий цвет *кўк* (*чанкыр* 'голубой'), сине-голубой или небесно-синий (*кўк-чанкыр*, *кўгўл*) у алтайцев и всех тюркских народов является одним из самых почитаемых и символизирует вечность и постоянство. *Кўк* для алтайцев обозначает не только синий цвет, но и траву – *кўк ўлўн* 'зеленая трава, зелень', *баштапкы кўк* 'первая зелень', например: «*кўккў тойынган койлор*». – «*овцы, насытившиеся травой*» или «*Кўк ўлўндўр баштарын кўдўрип, чыгып, кўўктамандар чанкырайыжып...*». – «*Зеленые*

травки приподнимая головы показались, кукушкины слезки синяя...» [11, с. 219], и шитье – *көк* (имя супруги сказителя Ээди Көкчи переводится как Портниха/Швея в романе Д. Каинчина).

Кроме этого, *«Көк»* обозначает и древнетюркское божество Тенери (*«Тенгри»*):

«Өрө турган көк, өскүрген бисти Жайаачы» [5, с. 100]. – «Синь, стоящая на нами, взрастивший нас Создатель».

В романе Д. Каинчина один из героев Аргымай-бай, представитель рода *көгөл-майман* (небесно-синих майманов) – историческая личность. Его образ в романе представлен реалистически. Тетушка Кульджиных *«с особой верой»* говорила: «„Мы сошедшие с синевы синие майманы“ („Бис көктөн түшкен көгөл“). Она верила в особую данность, присущую ее роду. Она считала, что это неизменно, в любые времена и на любом месте. Что самое главное при ней, или с нею, будь она бедна или богата» [12, с. 5].

Синий цвет почитали еще далекие предки тюрков (*көк мүрк* ‘голубые тюрки’):

«Жеримнин өңи чанкыр –
Оны тенери будыган.
Чанкыр суулар күркүреп,
Кырларымнан аккан». –
«Цвет моей земли голубой –
Ее небо окрасило.
Голубые реки грохотом,
С гор моих стекали» [13, с. 37].

Если в романе Д. Каинчина преобладает символика белого цвета, то роман А. Адарова *«Өлүмнин чанкыр кужы»* («Синяя птица смерти») буквально насыщен всеми оттенками синего, голубого и небесно-синего: *«чанкыр ыштар»* ‘синий дым’, *«чанкыр мааны»* ‘синее знамя’, *«чанкыр куш»* ‘синяя птица’, *«чанкыр кайа»* ‘синяя скала’, *«көк айаста»* ‘в голубой выси’, *«айландыра чанкыр кайа туулар»* ‘вокруг голубые скалистые горы’, *«көк корым»* ‘синий курган’, *«тенери чап-чанкыр»* ‘голубое-голубое / синее-синее небо’, *«көк кайанын үстинен»* ‘вершины синей скалы’, *«көк айаска шунуй берген болзом...»* ‘улететь бы в синие небеса’; темно-синие или небесные глаза; синий туман, *«печатать с синей краской»*, синяя корова, синяя пелена, голубоватый воздух, голубоватый вечер, синие тени, синяя шелковая рубашка, голубое платье (фуфайка, плащ), синий огонек, голубая/синяя долина, синяя река, иголки синего льда и т. д.

В первую очередь обратим внимание на необычное название произведения – *«Өлүмнин*

чанкыр кужы» («Синяя птица смерти»). Как известно, образ Синей Птицы в мировой литературе ассоциируется с такими понятиями, как Счастье и Добро («Синяя птица» М. Метерлинка), у алтайского писателя А. Адарова – со смертью. Полное название романа в самом тексте встречается всего один раз:

«Стенеде, бүрүнкийзимек толыкта, бийик көзнөктин жанында бери көрүп турган үй кижинин журугу. Будуктарла жураган. Ол журуктын алдында „Өлүмнин чанкыр кужы“ деп бичип салган. Ол сөстөрдин учурын кем де билбес» [11, с. 28]. – «На стене, в темноватом углу, около высокого окна портрет прямо смотрящей женщины. Красками нарисовано. Под этой картиной надпись „Синяя птица смерти“. Никто не знает значения этих слов».

Автором этой работы, скорее всего, является главный герой Эрел Яприн, а этот портрет является напоминанием о смерти любимой женщины. Вероятнее всего, Эрел Яприн рисовал ее уже после смерти.

Над созданием своего романа писатель работает в переломные для всей страны 1988–1990 гг. и посвящает чистой и вечной памяти своей рано ушедшей из жизни супруги Надежды Адаровой. Книга увидела свет в 1993 году.

Если образ Синей птицы в мировой литературе является символом счастья и добра, то в романе А. Адарова ее ждет герой, ожидающий своей смерти. Эта птица будет летать над вершинами Чанкырлу вечно и однажды схватит главного героя сильными когтями и унесет ввысь, в синее небо, и тогда Эрел Яприн уйдет в мир вечности.

Именно синяя птица должна помочь ему покинуть этот мир, тем самым освободить от земных мук. Для Эрела Яприна – его физическая смерть и синяя птица – это огромное счастье. При этом выражение *чанкыр куш* ‘синяя птица’ повторяется многократно именно в тех главах, где повествуется о судьбе (одиночестве) Эрела Яприна (более 20 раз) и помогает раскрытию его образа, внутреннего мира, его переживаний и душевной боли:

«А чанкыр кужым та кайда? Кайран чанкыр кужым» [Там же, с. 25]. – «А где же моя синяя птица? Бедная моя синяя птица».

Об этой необычной синей птице говорит и ждет ее только один Эрел Яприн.

Если проследить появление образа загадочной синей птицы, то впервые она встречается в ирреальном мире, во сне Эрела Яприна:

«... Онон бийик көк кайанын үстинен элкем талбынып, жаан чанкыр куш кайып чыккан. „Жыгылды»

ын! Жыгылды-ын!“ – деп, Эрел Миронович ачу кыйгырган. Күн көстөрүн кылбыктыра чалып турган. Куш „Айасту-у! Айасту-у!“ – деп кыйгырып, күнге удур шунуц, жоголып калган!» [Там же, с. 16]. – «...Потом с вершины высокой синей скалы, свободно размахивая крыльями, взлетела большая синяя птица. „Не упади-и! Не упади-и!“ – с болью закричал Эрел Миронович. Солнце ослепляло глаза. Птица, с криком „Айасту-у! Айасту-у!“; летела навстречу солнцу и исчезла!».

Она существует только в его воображении: возникнув однажды, этот образ не покидает героя до конца его жизни. Она становится спасительной иллюзией для Эрела Яприна, ассоциируясь с безграничной свободой, как символ мечты о счастье совершенно одинокого человека, как последняя надежда – навеки соединиться с любимой женщиной:

«Наташа! Жаан чанкыр куш. Ёргүлжиде учуп жүрү. – Эрел Мироновичтин жүреги онзүре сыстай берген. – Наташа. Менин түш жерим. Откөн ойим, очкөн лө олгөн ырызым» [Там же, с. 23]. – «Наташа! Летает в вечности. – Сердце Эрел Мироновича больно зануло. – Наташа. Мой сон. Мое прошлое время, угасшее и умершее счастье».

А. Адаров, используя кольцевую композицию, зеркально отражает появление образа синей птицы в начале и в конце романа. О причине появления образа синей птицы читатель узнает из эпизода смерти Натальи, гражданской жены Эрела Яприна. Показательно, что в какой-то степени *чанкыр куш* ‘синяя птица’ как метафора, как мечта о жизни в тексте встречается многократно и обрастает глубинными смыслами о жизни и человеческом счастье. Для алтайской художественной литературы конца XX века появление образа синей птицы стало необычным явлением.

Как уже говорилось выше, роман буквально насыщен оттенками синего и голубого. В целом только топоним Чанкырлу использован более 55 раз, а в имени хозяина этой долины под названием Чанкырлу Айасту тоже зашифрован цвет ясного сине-голубого неба – «Ясный», показывающий чистоту души и открытость этого человека.

В романе А. Адаров прибегает к аллюзии на мифологическую историю о Прометее. В эпизоде беседы с Яприным, туристка по имени Наташа сравнивает его с одним из титанов древнегреческой мифологии Прометеем:

«– Прометей...Оттын, печкенин ээзи. Бу ас па? Прометей. Алтайдын чанкыр учарларына кынжылап салган Прометей...» [5, с. 27]. – «– Прометей... Дух

Огня, этой печи. Этого мало? Прометей. Прикованный к голубым вершинам Алтая Прометей... Прощай!».

Как известно, Прометей в переводе звучит как «мыслящий», что оправдывает нашего героя. Уже два года Эрел Яприн живет одиноко в зимнем стойбище под названием Чанкырлу, что переводится с алтайского как «с голубизной /с синевой» («Чанкырлу – место для раздумий»), и постоянно находится в размышлениях о прошлом, настоящем и будущем. За последние два года через воспоминания отдельного человека автор показал историческую судьбу своей малой родины и страны.

«Могильным камнем» для героя романа А. Адарова становится синяя скала. Эрел Яприн навсегда «прикован» к этой скале, откуда упала и разбилась его любимая женщина:

«...Наташа чек ле онын үстинде, учар кайанын жүзинде турган. Жайым салкын онын чанкыр плащынын эдектерин жайа согуп, толгомолду күргүл чачын туура учуртуп турган. <...> Бу ла бйдө „ой!“ деген кыйгы угулган. Сан өрө элес көрзө, Наташа чанкыр плащынын эдектери канаттар чылап жайылып, эки колы талбайып, сан төмөн учуп келеткен» [11, с. 423]. – «Наташа стояла прямо над ним, на самом краю высокой скалы. Свободный ветер, раскрывая подола ее голубого плаща, развевал ее волнистые каштановые волосы. <...> И в этот же миг послышался вскрик „ой!“. Мгновенный взгляд (Эрел Мироновича) вверх выхватил, как подола голубого плаща расправились, как крылья, раскинув руки, Наташа летела вниз».

Ее похоронили здесь же, в Чанкырлу, поэтому Эрел Миронович всю оставшуюся жизнь проводит здесь, в одиночестве. Часто во сне он наблюдает, как его Наташа «летает» под синим небом, расправив как крылья подола своего плаща. В романе включение в сюжетную канву «мифа о Прометее состоит в самооправдывании героя на своем собственном могильном камне. Прометей – говорящая им самим его эпитафия о его деянии и риске» [14, с. 70].

Таким образом, в произведениях «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха») Д. Каинчина и «Өлүмнин чанкыр кужу» («Синяя птица смерти») А. Адарова доминирующую позицию занимают белый и синий/голубой цвета как выражение национального миропонимания и религиозного мировоззрения алтайцев. Приобретая метафорическое значение, они присутствуют и в жизни героев, и в картинах природы, а также как система художественных средств, подчинены раскрытию образов и динамики чувств героев произведений.

Если в романе-дилогии Д. Каинчина белый цвет встречается зашифрованным в различных деталях и элементах, которые хорошо известны алтайцам и другим коренным этносам, проживающим в Республике Алтай (мифы, топонимы, религиозные и ритуальные предметы), то романе А. Адарова преобладают сине-голубые цвета, и их палитра в художественном пространстве романа разнообразна. Здесь синий и голубой (иногда зеленый) цвета часто не различаются, объединяясь как «көк» (синие скалы, синие небеса; темно-синие или небесные глаза, синий туман, «печать с синей краской», синяя корова, синяя пелена, голубоватый воздух, голубоватый вечер, синие тени, синяя одежда (платье, фуфайка, плащ), синий огонек, голубая/синяя долина, синяя река, иголки синего льда и т. д.). В названиях исследованных произведений эти цвета тоже находят отражение: «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха») и «Өлүмнин чанкыр кужы» («Синяя птица смерти»).

Список источников

1. Бакиров М. Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков // Филология и культура. Philology and culture. Казань. 2015. №1 (39). С. 114–119.
2. Палкина Р. А. Алтайская литература как художественная система. Горно-Алтайск, 2015. 268 с.
3. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.
4. Текенова У. Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2011. 179 с.
5. Каинчин Д. Б. Ўстибисте Ўч-Сүмер. Горно-Алтайск, 2003. 492 с.
6. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 397 с.
7. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск, 1995. 214 с.
8. Акулова Т. Эки турун биригип... (песни и благопожелания алтайских свадеб). Горно-Алтайск. 2016. 135 с.
9. Потанов Л. П. Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев // А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994. 147 с.
10. Месяц С. В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение и цвете. Часть первая. М., 2012. 462 с.
11. Адаров А. О. Өлүмнин чанкыр кужы. Жүрек өртөгөн от. Горно-Алтайск, 2002. 732 с.
12. Элемова Г. К. Потомок кегёл маймана. Горно-Алтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сумер – Белуха» РА. 2007. 126 с.
13. Адаров А. О. Јеримнин өни чанкыр // Алтай литература, 11. Горно-Алтайск, 2020. 151 с.
14. Чеснов Я. В. Миф о Прометее и витальные основы личности // Развитие личности. 2007. № 2. С. 70–100.

References

1. Bakirov, M. Kh. (2015). *Semantika tsveta v kontekste istorii, iskusstva i khudozhestvennoi slovesnosti tyurkov* [The Semantics of Color in the Context of History, Art and Literature of Turks]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. Kazan'. No. 1 (39), pp. 114–119. (In Russian)
2. Palkina, R. A. (2015). *Altaiskaya literatura kak khudozhestvennaya sistema* [Altai Literature as an Artistic System]. 268 p. Gorno-Altai. (In Russian)
3. Sagalaev, A. M. (1992). *Altai v zerkale mifa* [Altai in the Mirror of Myth]. 176 p. Novosibirsk. (In Russian)
4. Tekanova, U. N. (2011). *Khudozhestvennyi mir Dibasha Kainchina* [The Artistic World of Dibash Kainchin]. 179 p. Gorno-Altai. (In Russian)
5. Kainchin, D. B. (2003). *Ўstibiste Ўch-Sümer* [Belukha Is above Us]. 492 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
6. Molchanova, O. T. (1979). *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic Dictionary of Gorny Altai]. 397 p. Gorno-Altai. (In Russian)
7. Tadina, N. A. (1995). *Altaiskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.)* [Altai Wedding Rituals (the 19th–20th centuries)]. 214 p. Gorno-Altai. (In Russian)
8. Akulova, T. (2016). *Ehki turun birigiP... (pesni i blagopozhelaniya altaiskikh svadeb)* [Songs and Wishes of Altai Weddings]. 135 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
9. Potapov, L. P. (1994). *Andrei Viktorovich Anokhin kak issledovatel' shamanstva u altaitsev* [Andrey Viktorovich Anokhin as a Researcher of Shamanism among the Altaians]. A. V. Anokhin. *Materialy po shamanstvu u altaitsev*. 147 p. Gorno-Altai. (In Russian)
10. Mesyats, S. V. (2012). *Iogann Vol'fgang Gete i ego uchenie o tsvete* [Johann Wolfgang Goethe and His Teaching about Color/ Johann Wolfgang Goethe Zur Farbenlehre]. Chast' pervaya. 462 p. Moscow. (In Russian)
11. Adarov, A. O. (2002). *Ölümnin çanқыr kuzhy* [The Blue Bird of Death]. *Jyrek örtögön ot*. 732 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
12. Ehlemova, G. K. (2007). *Potomok kegel maimana* [The Descendant of Kogyol Maiman]. 126 p. Gorno-Altai, GU knizhnoe izdatel'stvo "Yuch-Sumer – Belukha" RA. (In Russian)
13. Adarov, A. O. (2020). *Jerimnin öni çanқыr* [The Color of My Earth is Blue]. *Altai literatura*, 11. 151 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
15. Chesnov, Ya. V. (2007). *Mif o Prometei i vital'nye osnovy lichnosti* [The Prometheus Myth and the Vital Foundations of Personality]. *Razvitie lichnosti*. No. 2, pp. 70–100. (In Russian)

The article was submitted on 21.12.2021
Поступила в редакцию 21.12.2021

Текенова Ульяна Николаевна,
кандидат филологических наук,
Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С. С. Суразакова,
649000, Россия, Республика Алтай, Горно-Алтайск,
Социалистическая, 6.
tekenovau@mail.ru

Tekenova Ulyana Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Research Institute of Altaic Studies
named after S. S. Surazakov,
6 Socialist Str.,
Gorno-Altaysk, 649000, Russian Federation.
tekenovau@mail.ru